

Чжао Цзыянь кивнула:

— Верно, слухов о сокровище императора Юна в народе ходит немало. Хотя никаких доказательств этому нет, но, судя по тому, как императорская семья интересуется сокровищем Юна, а также золотом, которое якобы защищает драконьи жилы, и оружием Армии в Черных Доспехах с их схемами построений, всё это, должно быть, правда.

Фу Яньцин слегка опустила веки. Действительно, это правда, иначе она бы не пыталась его найти. В прошлой жизни Чжао Моцзянь почти добилась успеха, а что произошло потом... Она подняла взгляд на Чжао Цзыянь: вероятно, настоящим обладателем сокровища стала именно она.

— Что касается того, сколько всего свитков с сокровищами существует, я однажды видела в библиотеке хроники императора Юна, где упоминался один исторический анекдот: «Император, спасаясь бегством, был сопровожден пятью верными генералами, которые привели его в Шу, где они укрепились и занялись изготовлением оружия. В то время Армия в Черных Доспехах считалась непобедимой. Однако через пять лет повстанцы окружили их, и страна пала. Император погиб, двое из генералов пали в бою, а оставшиеся трое бежали на запад с наследным принцем Шан». Я помню, что император Юн укрылся в Шу, но в конечном итоге был уничтожен Ли Юаньчаном, после чего началась эпоха междоусобиц. Некоторое время кто-то поднимал знамя наследного принца Шана, захватывал земли Шу и вел активные раскопки, но безуспешно.

Глаза Фу Яньцин блеснули:

— То есть император Юн понимал, что не сможет сдержать Ли Юаньчана, но не хотел просто так проиграть. Пять лет накоплений в Шу были немалыми, и забрать их с собой было невозможно, поэтому их пришлось спрятать. Однако наследный принц Шан был слишком молод, и его побег мог не удался. К тому же, если бы кто-то предал, всё досталось бы Ли Юаньчану. Поэтому он решил нанести карту сокровищ и разделить её на части. Хотя это усложнило задачу, это был самый надежный способ.

Чжао Цзыянь мягко улыбнулась:

— Это действительно соответствует характеру императора Юна. Если я не ошибаюсь, те, кому он мог доверять, скорее всего, были теми тремя выжившими генералами, поэтому, вероятно, существует как минимум три копии.

— У Чжао Моцзянь точно есть одна, а что касается копии императора, она, вероятно, уже в её руках, — Фу Яньцин говорила спокойно, слегка приподняв бровь.

Чжао Цзыянь мягко посмотрела на неё:

— От тебя ничего не скроешь. Как ты и сказала, она уже получила эту копию.

Фу Яньцин подняла взгляд на неё. В её мягкости чувствовалась какая-то нежность, отчего она не знала, куда смотреть, и опустила глаза, продолжая есть почти закончившееся пирожное «Уточка-неразлучницы».

После того как она съела несколько кусочков, Чжао Цзыянь тихо спросила:

— Как вкус? Я специально спрашивала у поваров из императорской кухни, чтобы наши повара научились его готовить. Хотя это не повара императорской кухни, они практиковались долгое

время, и вкус очень близок. Надеюсь, тебе понравилось.

Фу Яньцин почувствовала странную тяжесть на сердце. В детстве Чжао Цзыянь любила пирожные «Уточка-неразлучница», но она никогда не была настолько привередливой, чтобы специально спрашивать об этом. А сейчас она едва прикоснулась к этому блюду. Так зачем же она так старалась?

— Что-то не так? Вкус не тот, или тебе больше не нравится? — заметив, что настроение Фу Яньцин изменилось, Чжао Цзыянь насторожилась.

— Нет, всё вкусно. Те, о ком я тебе говорила... в императорском дворце, ты обращала на них внимание?

Чжао Цзыянь задумалась, её лицо смягчилось, будто она вспоминала что-то, а затем она улыбнулась:

— Да, я помню всё, что ты говорила. Эта информация пришла от заместителя главного евнуха Ли Шэна, который служит рядом с отцом. Ты просила меня обратить внимание на маленького евнуха из императорской кухни. Три года назад я спасла его, а затем освободила его брата от службы во дворце. Теперь он стал приемным сыном Ли Шэна, и отец весьма благосклонен к нему. Когда Ляо Цюань тайно проник в личную сокровищницу и открыл свиток с сокровищами, он сразу же сообщил мне. Думаю, он передал его Чжао Моцзянь.

— Почему ты поверила мне? В то время я была всего лишь жертвой обстоятельств, как я могла знать всё это, да ещё и без каких-либо доказательств...

— Но факты подтвердили, что твои слова не были безосновательными. В то время мне казалось, что ты словно божество, будто знаешь всё на свете.

Фу Яньцин слегка улыбнулась, но ничего не ответила.

— Кстати, Туюйхунь нарушил границы, и императорский двор назначил Сяо То генералом — покорителем Запада, вручив ему командную печать и отправив на западные рубежи, — Чжао Цзыянь вспомнила что-то и нахмурилась.

— Генерал — покоритель Запада? Император поддерживает войну? В её памяти император Цзин всегда склонялся к миру, а теперь, когда её отец сложил с себя командование, почему он вдруг решил напасть на Туюйхунь?

— И почему главнокомандующим назначили не Лю Хао?

Чжао Цзыянь встала, чтобы налить Фу Яньцин воды, и мягко засмеялась:

— Те, кто поддерживает войну, — это обычно те, кто всегда жаждет вечного мира, такие как вице-министр Чжан Цишань и глава Высшего государственного совета. Однако именно я предложила кандидатуру Сяо То.

— Почему?

Чжао Цзыянь сделала глоток чая:

— Седьмая старшая сестра и другие долго убеждали отца, приводя разумные аргументы и апеллируя к его чувствам, чтобы он начал войну. Разве не ради этого они всё это затеяли? Она

всегда хотела, чтобы я слушалась её, так что я послушалась и предложила Сяо То.

Она посмотрела на Фу Яньцин:

— Теперь военная власть на западных рубежах гораздо значительнее, чем когда-то была в резиденции юго-западного князя. Там можно делать многое, но резиденция юго-западного князя, держащая власть над юго-западными войсками, находится в шатком положении. А что насчёт Сяо То, который уже управляет Огнестрельным дивизионом в столице? Отец благоволит седьмой старшей сестре, а не Сяо То. Более того, если они не начнут действовать, как отец узнает, кто охотится за сокровищем императора Юна? В таком случае, генерал — покоритель Запада, обладающий военной властью на западных рубежах, тайно ищущий сокровище императора Юна, будет выглядеть как человек с явными корыстными намерениями.

— Армия на западных рубежах, долгое время охраняющая пустынные земли, больше верна приказам, чем императору, и ценит взаимовыручку. Сяо То, который долгое время жил в столице и унаследовал титул, будет сложно влиться в их ряды, — Фу Яньцин спокойно продолжила.

Их взгляды встретились, и обе улыбнулись. Это было хорошее начало.

После ужина Фу Яньцин вернулась в свою резиденцию. Лоинь и другие, увидев, как она спокойно перелезает через стену, хотели что-то сказать, но промолчали.

Фу Яньцин взглянула на них и равнодушно спросила:

— Вы поели?

— Да. Хозяин... а тот, что по соседству?

Фу Яньцин оглянулась, в её глазах мелькнула улыбка, но она быстро исчезла:

— Союзник.

Лоинь и Фу Ян переглянулись, наблюдая, как Фу Яньцин уверенно направляется в дом, и тихо сказали:

— Союзник? Мне кажется, хозяин становится счастливее, когда видит её.

Фу Ян тоже был в недоумении. С тех пор как Фу Яньцин вернулась в резиденцию юго-западного князя, она стала необычайно сдержанной. Обычно, кроме тренировок, она занималась только расстановкой тайных агентов в столице. За эти шесть лет резиденция юго-западного князя не только создала организацию для сбора информации, но и значительно расширила бизнес в области зерна и шелка.

Хотя позже молодой князь помогал, но это никогда не было легко. Чтобы удержать этих людей, нужно было иметь авторитет, и обычно хозяин редко проявлял эмоции и почти никогда не был по-настоящему счастлив. Но только что, когда она говорила о той девушке, улыбка в её глазах была искренней.

— Мы знаем характер хозяина. Она всегда относилась к союзникам с уважением, но никогда так. Похоже, отношения между хозяином и той принцессой не так просты.

К ночи всё в новом доме наконец было устроено. Ночью столица была гораздо тише, чем днем.

В густых сумерках на западе между созвездиями висела полная луна, её серебристый свет окутывал сад, словно покрывая его легкой вуалью.

Фу Яньцин вышла во двор, где падали мягкие тени. Здесь уже никого не было, и тишина была немного холодной.

Она долго стояла в лунном свете, и когда уже начала сомневаться в своём здравомыслии, из листвы акации спустился белый край одежды. Чжао Цзыянь сидела на ветке, её глаза светились улыбкой:

— Вечер прекрасен, не хочешь ли полюбоваться луной со мной?

Фу Яньцин вдруг почувствовала, что её внутреннее беспокойство утихло, и на её губах появилась легкая улыбка:

— Луна прекрасна, но нет вина.

Чжао Цзыянь улыбнулась:

— Подожди.

Она легко прыгнула с дерева, словно белый журавль, и через мгновение вернулась с кувшином вина и двумя нефритовыми чашками.

Она поставила чашки рядом, наклонилась и протянула правую руку Фу Яньцин.

Фу Яньцин спокойно смотрела на неё, а затем взяла её руку, позволив Чжао Цзыянь подтянуть её к себе.

Они сидели на дереве, и Чжао Цзыянь явно была счастлива. Она протянула чашку Фу Яньцин, налила вина и приготовилась налить себе.

Там Фу Яньцин выпила вино залпом и забрала кувшин из рук Чжао Цзыянь:

— Ты же больна.

Чжао Цзыянь удивилась, а затем засмеялась:

— Так ты будешь пить, а я буду смотреть?

Фу Яньцин не ответила. Она сидела на дереве, держа чашку в руке, а затем повернулась к Чжао Цзыянь:

— Я ещё не спросила, как ты узнала меня той ночью?

<http://bllate.org/book/16696/1533330>